

Научная статья
УДК 008
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-4-14-92-109
EDN BYJRKH

**Образы мудрого провиденья в культуре и древних традициях
Китая и России-Руси**

Герман Юрьевич Филипповский

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль
Fil.gerr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6765-8451>

Аннотация. Настоящая статья, отталкиваясь от работы Е. М. Болдыревой о мотиве мудрости (мудрых старцев) на материале рассказов Ван Мэна, В. Шукшина, К. Паустовского, обращается к наследию ранней русской литературы XI-XIII веков. Истоки китайской мудрости восходят к древним временам Конфуция (551-479 гг. до н. э.), древней гадательной «Книге Перемен» – Ицзин, а пространство русской литературы, с её возникновением в X-XI вв., преемственно от также весьма древней библейско-византийской традиции. Так, «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона XI в. обсуждает приобщение Руси к Ветхозаветно-древнееврейской и Новозаветно-евангельской книжности.

Данная статья обращается к текстам «Повести временных лет», «Поучению» Владимира Мономаха, «Слову о полку Игореве» (XI-XIII вв.). Образы вещего Бояна, певца старых времён, Святослава Киевского (сон и пророческое Золотое слово), гадание на Псалтири старого Владимира Мономаха о своих грядущих судьбах, образ вещего кудесника в сказании об Олеге (из «Повести временных лет»), – показывают внимание ранней литературы Руси к теме старой мудрости, к мотивам пророчеств и гаданий. Всё это вполне перекликается с древнейшими традициями китайской литературы и мудрости, которые отразились в рассказе Ван Мэна о мудром старце и девушке.

Привлечённые Е. М. Болдыревой в её работе и китайские Ван Мэна, и русские литературные источники В. Шукшина и К. Паустовского существуют в едином мировом литературном пространстве текстов о мудрых старцах, том же самом, что и приведённые в данной статье древнерусские литературные тексты XI-XIII вв. Всё это говорит не только о единстве мирового литературного процесса, но, самое

главное, о его единых древних источниках, где важнейшее место занимают темы старой мудрости и мудрых старцев.

Ключевые слова: мотив старой мудрости; мудрые старцы; провиденье; гадание; Древний Китай; Древняя Русь; литература; Е. М. Болдырева; Ван Мэн; В. Шукшин; К. Паустовский; «Повесть временных лет»; «Слово о полку Игореве»; «Поучение» Владимира Мономаха; древние источники

Для цитирования: Филипповский Г. Ю. Образы мудрого провиденья в культуре и древних традициях Китая и России-Руси // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 4 (14). С. 92-109. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-4-14-92-109>. <https://elibrary.ru/byjrkh>.

CULTURAL SCIENCE

Original article

The images of wisdom and prophecy in literature and ancient traditions of China and Rus-Russia

German Y. Filippovsky

Doctor of philological sciences, professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
Fil.gerr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6765-8451>

Abstract. This article, following E. M. Boldyreva's work on the motif of wisdom (wise elders) in the stories of Wang Meng, V. Shukshin, and K. Paustovsky, turns to the heritage of early Russian literature of the XI-XIII centuries. The roots of Chinese wisdom go back to the ancient times of Confucius (551-479 BC), the ancient fortune-telling “Book of Changes” – Yijing, and Russian literature, since its emergence in the X-XI centuries, is also a successor to a very ancient biblical Byzantine tradition. Thus, Metropolitan Hilarion's XI century “Word on the Law and Grace” discusses Russia's introduction to Old Testament-Hebrew and New Testament-evangelical book learning.

This article refers to the texts of The Tale of Bygone Years, The Instruction of Vladimir Monomakh, and The Tale of Igor's Campaign (XI-XIII centuries). The attention of early Russian literature to the old wisdom and to the motives of prophecy and divination is shown by the images of the prophetic Boyan, the singer of old times, Svyatoslav of Kiev (the dream and the prophetic Golden Word), Vladimir Monomakh's prediction on the Psalter about his future fate, the image of the prophetic sorcerer in the story of Oleg (from the “Tale of Bygone Years”). All this corresponds quite well to the ancient traditions of Chinese literature and wisdom, which are reflected in Wang Meng's story of the wise old man and the girl.

The Chinese Wang Meng and the Russian literary works by V. Shukshin and K. Paustovsky analysed by E. M. Boldyreva in her paper both exist in a single world literary space of texts about wise elders, the same as the ancient Russian literary texts of the XI-XIII centuries cited in this article. All this speaks not only of the unity of the

world literary process, but, most importantly, of its common ancient sources, where the most important place belongs to the themes of old wisdom and wise elders.

Keywords: motif of old wisdom; wise elders; providence; divination; ancient China; ancient Rus'; literature; E. M. Boldyreva; Wang Meng; V. Shukshin; K. Paustovsky; "The Tale of Bygone Years"; "The Tale of Igor's Campaign"; "The Instruction" by Vladimir Monomakh; ancient sources

For citation: Filippovsky G. Yu. Images of wise providence in culture and ancient traditions of China and Russia-Rus. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 4(14):92-109. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-4-14-92-109>. <https://elibrary.ru/byjrkh>.

Введение

В своей статье «Преодоление слепоты и музыка памяти: мотивные переключки рассказов Ван Мэна, В. Шукшина и К. Паустовского» доктор филологических наук Е. М. Болдырева [Болдырева, 2022, с. 34-47] затронула весьма глубокие и продуктивные переключки, соотносительные мотивы литератур и культур Китая и России. Речь шла об авторах, известных писателях XX века, весьма популярных в своих странах. Конкретно рассматривались тексты рассказов Ван Мэна «Слушая море» (1982), В. М. Шукшина «Солнце, старик и девушка» (1963), К. Г. Паустовского «Старый повар» (1940). Отмечалось, в частности, что в этих художественных текстах центральное место занимали образы слепого старика и молодой девушки / девочки. Причём мотивы слепоты сочетались с символично-философским контекстом озарений и прозрений [Левкиевская, 2009, Т.4, с. 298-300] на фоне вечных тем смерти и возрождения. Категории памяти тесно соотносились с темой мудрости [Торопцев, 2004, с.34-79] и вечности.

Отмечалось, что художественная специфика текстов выражала особенности национально-культурного, народного, глубинного мироощущения Китая и России, черты целостного синтетического взгляда на мир. Конкретно мотив слепоты как один из важнейших культурных конструктов, архетипов, как отмечает исследователь, погружён в пространство мифологических представлений: «слепота чаще всего оказывалась относительной, отсутствие физического зрения компенсируется более совершенным потусторонним зрением, ... в нашем сознании живёт неизбежное соединение слепоты и мудрости, то есть, физическая слепота влечёт за собой внутреннюю духовную сосредоточенность, обрачивающуюся духовным прозрением, и в рассказах Шукшина, Паустовского и Ван Мэна актуализируются разные векторы этого символического комплекса» [Болдырева, 2022, с.34-47]. Исследователь, в частности, пишет, что «корреляции слепых героев с сияющими небесными светилами выносят к порогу

читательского восприятия древний мифологический мотив прозрения, когда «слепота зрячести» оборачивается «зрячестью слепоты» [Болдырева, 2022, с.34-47]. Далее автор цитирует известного исследователя античной мифологии Я. Э. Голосовкера: «В мифологических образах провидцев – Эдипа в Колоне и Тиресия – в этих олицетворениях «зрячей слепоты» виденье открывается нам как «веденье»: его смысл переходит в новую форму. Впервые в мифе возникает идея замещения мнимой проницательности утраченного органа зрения (глаза), основного источника чувственного опыта, радости жизни и знания» [Болдырева, 2022, с.34-47].

Е. М. Болдырева отмечает, что «для стариков Шукшина и Ван Мэна слепота – это символ достижения подлинной мудрости жизни, маркёр душевного спокойствия, стоической внутренней силы; в мировой литературе произведения, в которых реализуются мотивы слепоты и зрения, зачастую строятся на антитезе: слепой и зрячие, когда слепой «видит» этот мир и всю его сущность лучше, чем те, кто обладает зрением» [Болдырева, 2022, с.34-47]. Совершенно естественно, что автор статьи обращается к классическому образу великого слепца-поэта Гомера [Homer, 1970, р. 244-246]: «Слепота оказывается неразрывно связанной и с пророческим видением, и с видением поэтическим, заставляющим вспомнить Гомера – слепого мудреца, символ высшей

мудрости и внутренней прозорливости, и его героя аэда Демодока, которому муза «очи затмила», но которого наградила даром песнопения. Зрение замещается воображением, а работа воображения, способность находить выражение для того, что недоступно окружающим, осознаётся как дар, недоступный зрячему... Подобное акцентирование мифологической логики позволяет воспринимать слепоту героев всех трёх рассказов не как синоним несчастья или причину страдания, а как явление, несущее более серьёзную смысловую, мифологическую, метафизическую и социальную нагрузку, когда слепота выступает как символ появления способности проникнуть в тайну мира, внутреннего зрения и высшей мудрости» [Болдырева, 2022, с.34-47].

Разумеется, образ слепого старика-провидца новеллы Ван Мэна уходит корнями в глубины многовековой китайской культуры Дао [Китайская..., 1984, с. 96-147], мудрости, ничуть не уступающей в этом плане древней Греции с её великим наследием слепца Гомера (VII до н. э.) [Homer, 1970, р. 244-246] и древнегреческих философов, начиная с эпохи архаики VI в. до н. э. Достаточно вспомнить традиционные китайские фарфоровые фигурки мудрого старца или древнейшие археологические артефакты бронзовых гадательных сосудов из китайских раскопок. В Китае идеалы старой мудрости восходят к глубокой древности, конфуцианству

[Confucius, 1973, p. 124-125] VI века до н. э., буддистским истокам идеалов просветления. Сюда же восходит известнейшая древняя гадательная «Книга Перемен» («Ицзин»), которую Конфуций (551-479 гг. до н. э.) включил в свои труды [Confucius, 1973, p. 124-125]. Не только поэты «Семи мудрых из бамбуковой рощи» (III в. н. э.), но писатели VIII в. н. э., например, Люй Мянью, были сторонниками «возврата к древности» (конфуцианскому стилю подражания литературе древних) [Китайская ... , 1984, с. 96-147]. Именно в эту эпоху Хань Юй провозгласил «древний» стиль гувэнь, вобравший всю литературную традицию Китая до III в. н. э. [Китайская ... , 1984, с. 96-147]. Его «Разные учения» использовали древние предания, например, о мифическом единороге – цилине, которого никто не видел и никто опознать не сумеет, но для этого нужен мудрец, не просто знаток древней мудрости, но совершенномудрый. Танские новеллы VIII-IX вв. н. э., то есть эпохи китайского средневековья, нередко обращались к древним мотивам пророческого и провидческого сна (Шэнь Цзи-цзи или Ли Гун-цзи, книги «Волшебное изголовье» или «Правитель Нанькэ») [Китайская ... , 1984, с. 96-147]. Именно таким совершенномудрым выступает и слепой старик в рассказе Ван Мэна [Торопцев, 2004, с.34-79], образ которого во многом восходит по своей художественной философич-

ности к истокам древней культуры Китая. Что касается образов мудрых стариков-слепцов в русских новеллах В. М. Шукшина и К. Г. Паустовского, тексты которых привлечены в упомянутом выше исследовании Е. М. Болдыревой [Болдырева, 2022, с. 34-47], то следует отметить: подобно приведённым китайским наблюдениям, эти русскоязычные новеллы своей образностью старой мудрости уходили также в глубины культуры и литературы своего, то есть, русского средневековья и древности.

Специфика художественной репрезентации образов мудрого провидения в древнерусской культуре и литературе

Настоящая статья посвящена именно этим вопросам, стремится проследить на материале древнерусской литературы и культуры истоки образов старой мудрости, провиденья [Левкиевская, 2009, Т.4, с. 298-300]. Привлекаются тексты известных произведений ранне-средневековой русской литературы «Слово о полку Игореве» [Библиотека ... , 1997, Т.4, с. 254-267], «Поучение» Владимира Мономаха [Библиотека..., 1997, Т.1, с. 456-475], известное сказание «Повести временных лет» [Библиотека ... , 1997, Т.1, с. 62-315] о смерти Олега от коня (прославленное А. С. Пушкиным в его знаменитой «Песни о вещем Олеге») [Пушкин, 1936, с. 353-354], а также «Повесть об ослеплении князя Василька Ро-

стиславича» из состава «Повести временных лет» (под 1097 год) [Библиотека..., 1997, Т.1, с. 270-283]. Пожалуй, стоит начать с известного эпизода «Сон и золотое слово Святослава» [Соколова, 1995, Т.5, с. 30-39], едва ли не центрального в «Слове о полку Игореве» [Igor Tale, 1956, p. 156-158, 211], выдающимся средневековым литературно-поэтическим памятником Руси начала XIII века. Это была эпоха возникновения и первоначального развития русской литературы, когда многие тексты как бы всматривались в глубинную перспективу истоков и предистоков Руси, в её древние легенды, поверья, древнейшие обрядовые традиции и образы ещё до-христианского прошлого. Характерно, что сам образ князя Святослава Киевского предстаёт в поэме в обличье глубокого старца («Се ли створисте моей сребрение седине?») [Библиотека..., 1997, Т.4, с. 260].

Собственно, его «злато слово с слезами смешено» [Библиотека..., 1997, Т.4, с. 260] обсуждает вещий, то есть провидческий [Левкиевская, 2009, Т.4, с. 298-300], сон Святослава [Соколова, 1995, Т.5, с. 30-39] («А Святъславъ мутень сонъ виде въ Киеве на горахъ...») [Библиотека..., 1997, Т.4, с. 260]. Бояре растолковывают старому князю его вещий сон: «Уже, княже, туга умь полонила; се бо два сокола слетеста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону. Уже соколома крильца припешали пога-

ныхъ саблями, а самаю опуташа въ путины железны. Темно бо бе въ 3 день: два солнца померкоста, оба багряная стльпа погасоста и съ нима молодая иесяца, Олегъ и Святославъ, тьмою ся поволокоста и въ море погрузиста, и великое буйство подаста хинови. На рече на Каяле тьма светъ покрыла...» [Библиотека ... , 1997, Т.4, с. 260]. Сон [Гура, 2012, Т.5, с. 90-91] старого и мудрого князя Святослава [Соколова, 1995, Т.5, с. 30-39] – вещий, он пророчит беду походу Игоря и Всеволода: «Си ночь съ вечера одевахуть мя, – рече, – чръною паполомою на кровати тисове; чръпахуть ми синее вино, съ трудомъ смешено, сыпахуть ми тьщими тулы поганыхъ тльковинъ великий женчюгъ на лоно и негують мя. Уже дьскы безъ кнеса в моемъ тереме златовръсемь. Всю ночь съ вечера бусови врани възгряху у Плесньска на болони, беша дёрькия сани, и несоша ся къ синему морю» [Библиотека ... , 1997, Т.4, с. 260].

Старый мудрый Святослав адресует младшим князьям упрёк в нечестии, буести, то есть излишней дерзости, чреватой поражением от половцев: «О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати. Нь нечестно одолесте, нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузе скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребрение седине?» [Библиотека..., 1997, Т.4, с. 260]. Урок Святослава молодым князьям, их нера-

зумию опирается на силу старой мудрости: «А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколь въ мытехъ бываетъ, высоко птичь възбиваетъ: не дасть гнезда своего въ обиду» [Библиотека..., 1997, Т.4, с. 262]. Сокол 3-х мытей – это старый сокол, наделённый особой мудростью и опытом, – таким видит себя старый мудрый Святослав, обращаясь к младшим князьям Игорю и Всеволоду. Он говорит, что победа приходит, в том числе с опорой на славу дедов: «Тии бо бес щитовъ съ засапожники кликомъ плъкы побеждаютъ, звонячи въ прадедную славу» [Библиотека..., 1997, Т.4, с. 260-262]. В своём «Золотом слове», обращаясь к русским князьям, Святослав Киевский упрекает и их в утрате традиций древней, дедовской славы: «Ярослави и вси внуце Всеслави! Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи верезени. Уже бо выскочисте изъ дедней славе. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганья на землю Русскую, на жизнь Всеславию» [Библиотека..., 1997, Т.4, с.264].

Примечательно, что текст эпизода о старом мудром князе Святославе, о его вещем сне и обращении к князьям пронизывают два лейтмотива: мотив поражения и смерти, другой мотив – провиденья [Левкиевская, 2009, Т.4, с. 298-300], вещего предсказания. Образ князя Святослава не наделён слепотой, но – старой мудростью и провиденьем. Функция слепоты как бы замещена вещей семантикой сна [Гура, 2012, Т.5, с. 90-91]. Автор «Слова о полку

Игореве» не только соотносит, но даже сталкивает мотивы старости и молодости, противопоставляя их, но явно делая акцент на теме старой мудрости: «Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы литовския, притрепа славу деду своему Всеславу, а самъ подь чрълеными щиты на кровавее траве притрепанъ литовскими мечи» [Библиотека..., 1997, Т.4, с. 262]. В. В. Мильков, А. И. Макаров в книге «Древняя Русь. Пересечение традиций» утверждают, что «история делится автором «Слова о полку Игореве» на три больших периода: 1. «Века Трояна» – время начал; 2. Время дедов (Владимира и Ярослава); 3. Время отцов и внуков, в котором живёт автор «Слова о полку Игореве» и действуют герои произведения» [Древняя..., 1997, с. 99]. Автор средневековой русской поэмы начала XIII века скорбит об ушедшей в прошлое «дедней славе». Всеслав Полоцкий, герой «Слова о полку Игореве» – князь-волхвачародей-провидец. «Сон Святослава», как уже отмечалось, пророчествует в «Золотом слове» старого мудрого Святослава о бедах Игоревых похода. В «Слове» предпочтение явно отдаётся прошлому, «дедней славе», «летам Ярослава», но текст, вместе с тем, открыт в будущее.

Тема и образы провиденья [Левкиевская, 2009, Т.4, с. 298-300], старой мудрости эпизодами «Сна и Золотого сна Святослава» в «Слове о полку Игореве» – отнюдь не ограни-

чиваются. Поэма открывается мощным, древним и весьма значимым образом Бояна [Дмитриев, 1995, Т.1, с.147-153], вещего певца старых времён. Для автора «Слова» он своего рода Гомер [Номер, 1970, р.244-246], основоположник, поэт начальных, древних времён, символ старой мудрости и прозорливости, провиденья [Левкиевская, 2009, Т.4, с.298-300]: «Помняшеть бо, рече, пьрвыхъ времяъ усобице...» [Библиотека..., 1997, Т.4, с. 254]. Образ Бояна [Дмитриев, 1995, Т.1, с.147-153] в «Слове» настолько сливается с темой начал и изначальной мудрости этого мира, что для автора рассуждения о том, как начинать его поэму, однозначно сливаются с наследием мудрости Бояна. Но автор, чтобы сформулировать своё собственное поэтическое кредо, свою позицию как бы отталкивается от образа и Бояновой мудрости: «Начати же ся тьи песни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню. Боян бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашеться мыслию по древу, серымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подь облакы» [Библиотека..., Т.4, с.254]. Боян – древний ведун эпохи начальных князей Руси: «...преди песнь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зареза Редедю предь пълкы касожьскими, красному Романови Святъславичю...» [Библиотека..., 1997, Т.4, с. 254].

Образ Бояна представляется автору настолько древним, что сливается с образом Древа Жизни (По-

знания, Мудрости, Песен): «...скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подь облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чрьсь поля на горы» [Библиотека..., 1997, Т.4, с. 254]. Образ Бояна в «Слове» настолько трансцендентен в своей мудрости, что соотнесён автором с символическим знаком философской Древности – мироправящим числом 7 [Гилберт, Кун, 1960, с.153]. Именно столько раз упомянут Боян [Дмитриев, 1995, Т.1, с.147-153] в «Слове»: 1. А не по замышлению Бояню; 2. Боянь бо вещей; 3. Боянь же, братие...; 4. О Бояне соловию стараго времени; 5. Чи ли въспети было, вещей Бояне, Велесовъ внуче; 6. Тому вещей Боянь и прьвое припевку, смысленый, рече...; 7. Рекъ Боянь и Ходына, Святъславля песнотворца, стараго времени Ярославля, Ольгова коганя хоти...» [Библиотека ..., 1997, Т.4, с. 254-267]. Образ Бояна наделён свойствами и мудрости, и провиденья, даже Суда: «Тому вещей Боянь и прьвое припевку, смысленый, рече... «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду Суда Божиа не минути» [Библиотека..., 1997, Т.4, с. 264]. Образ Бояна как бы охватывает текст «Слова о полку Игореве» с начала и до конца, он – мудрый собеседник Автора, который создаёт в своей поэме альтернативу старых и новых времён, старой мудрости и нового, молодого неразумия. Такова, в целом, художественная концепция поэтики

«Слова о полку Игореве». Но, как и Боян-провидец, автор «Слова» смотрит не только в прошлое, но и будущее. Его взгляд не только печален, но и оптимистичен, подобно мудрости Бояна.

«Слово о полку Игореве» с его темой старой мудрости занимает почётное место в развитии русской литературы и культуры [Лихачёв, 1997, Т.1, с.7-24], повлияло далеко не только на отмеченные выше рассказы К. Г. Паустовского и В. М. Шукшина. Пристальное внимание А. С. Пушкина в конце его жизни было привлечено к этому замечательному памятнику литературы и поэзии Руси. Но ещё в большей степени наш великий поэт вдохновлялся древнерусским летописанием, текстами великой литературно-исторической эпопеи ранней Руси «Повести временных лет». Образ мудрого вещего старца-волхва лежит в основе сюжета баллады молодого Пушкина «Песнь о вещем Олеге» [Пушкин, 1936, с. 353-354]. Старец предсказывает воителю Олегу смерть от его коня. Русской древностью навеян образ мудрого летописца Пимена пушкинского «Бориса Годунова». Сцена в келье, монолог Пимена соотнесены с судьбой находящегося рядом Григория, будущего Самозванца. Он рассказывает старцу свой странный сон, который оказывается пророческим, предвещает взлёт и падение самозванца [Пушкин, 1936, с.194-197]. Следует отметить, что некоторые редкие списки «Повести временных лет», например, в Летописце Переславля-

Суздальского, содержит эпизод сна князя Мала из цикла сказаний о княгине Ольге. Этот сон перекликается со сном князя Святослава Киевского «Слова о полку Игореве». Он пророчит беды древлянскому князю Малу [Соколова, 1995, Т.5, с.38].

«Повесть временных лет» впервые в русской литературе представляет образ героя-слепца. Речь идёт о повести об ослеплении князя Теребовльского Василько Ростиславича, вписанной под 1097 год [Библиотека..., 1997, Т.1, с. 270-283]. Сразу стоит сказать, что это древнерусский текст, в основе которого лежит сюжет преступления и наказания (преступление князьями крестной клятвы – крестоцелования и последующего наказания крестопреступникам свыше, от Бога). Спустя многие столетия этот сюжет получит мировую известность в известном романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», хотя, в отличие от древнерусского источника, никакого образа героя слепца в романе XIX века нет. Да и в самой древнерусской повести ослеплённый герой отнюдь не старец, а ослепляют его старшие князья как раз из-за его молодой храбрости, боевой активности и амбиций. Завершает повесть эпизод Суда Божья (победа на поле боя ослеплённого героя над князьями-крестопреступниками). Эта тема перекликается со словами вещего старца Бояна «Слова о полку Игореве»: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду Суда Божиа не минути» [Библиотека..., 1997, Т.4, с.264]. Правда, в

повести об ослеплении Василька Ростиславича её автор, игумен Василий (он часто проявляет себя в тексте эпизодами от первого лица) приписывает своему герою, ослеплённому князю Васильку, черты дара пророчества: «Азь же идохъ к Василькови и поведахъ ему всю речь Давыдову. Он же рче: «Сего есмь не молвилъ, но надеяся на Богъ. Послю к Володимеру, да быша не прольяхи крови мене деля. Но сему ми дивно: дать ми градъ свой, а мой Теробовль, моя волость пождавшее и ныне». Якоже и бысть: въскоре бо прия власть свою» [Библиотека..., 1997, Т.1, с.276-278].

В древнерусской повести о Васильке Ростиславиче впервые в отечественной литературе образ слепого героя сочетается с образом женщины, которая спасает его, выкликает своим плачем из смерти. Столетием позже, в конце XII – начале XIII века подобную же модель текста использует автор «Слова о полку Игореве». Образ и плач Ярославны, которые в тексте поэмы являются после эпизода мудрого старца Святослава Киевского, так же, как и в более ранней повести о Васильке, спасительны для героя. По сути, и старец, и женщина наделены пророческими [Левкиевская, 2009, Т.4, с. 298-300] функциями, они провозвещают что-то существенное в судьбе героя. Ясно, что подобные темы древнерусской литературы не могли не повлиять на отмеченные выше, в начале нашей статьи, темы и мотивы произведений XX века В. М. Шукшина и К. Г. Паустовского.

Особое место с точки зрения мотива старой мудрости, пророческих мотивов занимает в древнерусской литературе текст «Поучения» Владимира Мономаха [Библиотека..., 1997, Т.1, с. 456-475]. Сформированный окончательно автором, по мнению Д. С.Лихачёва, около 1117 года, он внесён во второй редакции (по-Шахматову) «Повести временных лет» под 1096 год. «Поучение» представляет собой своеобразный диптих в сочетании с «Повестью об ослеплении князя Василька Ростиславича» (под 1097 год). Примечательно, что в самой повести образ Владимира Мономаха занимает не менее важное место, чем образ героя Василька. Мономах в своём «Поучении» пишет о себе и своей жизни от первого лица, создавая своеобразную исповедь. Подобная тональность текста сообщает ему особую убедительность и достоверность. Тема старой мудрости занимает здесь особое место. В самом начале своего произведения Мономах-автор использует выражение «седя на санех» [Библиотека..., 1997, Т.1, с.456]: «Седя на санех, помыслих в души своей и похвалих Бога, иже мя сихъ днень грешнаго допроводи» [Библиотека..., 1997, Т.1, с.456].

Это выражение – образное, по мысли Д. С.Лихачёва: «Значение слов «седя на санех» – «в преклонных годах», «на краю смерти» – основывается на обрядовой стороне древне-русских похорон; перевозка тела умершего на санях была суще-

ственной частью древнерусского погребального обычая» [Лихачёв, 1950, с.433-435; Аничков, 1908, с.60]. Известно, что подобный обряд восходит к глубокой архаике, в том числе, в древнейшей культуре Китая и Японии. Владимир Мономах, как автор «Поучения» [Библиотека..., 1997, Т.1, с. 456-475], своего рода наставления, послания к современникам и потомкам, использует мотив своей старости как аналог мотива старой мудрости [Волкова, 2005, с.64-83]. Тем более, что в своём тексте автор обильно цитирует библейский текст Псалтири (Псалмы Давида 8, 29, 31, 33, 41, 42, 45, 55, 57, 58, 62, 63, 94, 95, 118, 123) [Орлов, 1946, с.130-140]. «Поучение» ретроспективно по своей установке, обращено не только к опытам жизни автора, но и к глубинам, истокам мудрости человечества и его культуры. Византийски-образованный Владимир Мономах (потомок императоров, о чём он не без особого пиетета пишет в самом начале своего текста) показывает себя носителем не только византийской книжной мудрости, но – мудрости всечеловеческой.

В начале своего «Поучения» Мономах вводит эпизод встречи с послами братьев, южнорусских князей. Они предъявляют Мономаху преступный ультиматум, который он отвергает, вспоминая клятву на Кресте (эти князья нарушили клятву, ослепив Василька). Отказ в союзе фактически означал разрыв, в том числе, родовых связей с юж-

норусскими князьями. Что не могло не повлиять на автора «Поучения». Он пишет, что в минуту душевного кризиса обратился к гаданию [Гадания, 2000, с.87-88; 406-408] на Псалтири: «И отрядив я, возьму Псалтырю, в печали разгнухъ я, и то ми ся выня...» [Библиотека..., 1997, Т.1, с.456]. Мономах цитирует в Поучении тексты Псалтири, выпавшие ему в гадании [Виноградова, Т.1, с.482-486]. Они бросают свет на его судьбу, создавая своеобразный Урок мудрости и поведения для русских князей. Д. С.Лихачёв в своём комментарии к «Поучению» Владимира Мономаха отмечает: «Здесь Мономах говорит о своём гадании по Псалтири. Псалтырью часто пользовались в древней Руси для гаданий [Лихачёв, 1950, с.433-435]. Существовали даже особые гадательные псалтыри [Виноградова, 1995, Т.1, с.482-486], под основным текстом которых помещались замечания, поясняющие «пророческое» значение псалтырного текста. Гадающий раскрывал наугад псалтырь и читал открывавшееся место и замечания к нему, если они были» [Лихачёв, 1950, с.435]. Библейская [The Bible, 1973, р.60-63] Псалтырь – не только часть Ветхого Завета, но – памятник древневосточной поэзии VIII века до н.э. Конечно, для Мономаха христианина тексты псалмов имели покаянный смысл, но, тем не менее сама тема гаданий в трудную минуту жизни остаётся здесь несомненной. Как и древность самого ритуала-

ла гадания с использованием гадательного текста, равнозначного обращению к тексту древней мудрости. В этом плане весьма характерно, что уже отмечалось, совмещение в начале текста «Поучения» мотива старости Мономаха (на пороге смерти) и мотива его гадания на Псалтири.

Если вернуться к текстам рассказов XX века: русских К. Паустовского, В. Шукшина и китайского Ван Мэна, – несомненно связь образов мудрых стариков с тысячелетними традициями старой мудрости вообще [Волкова, 2005, с.64-83; Торопцев, 2004, с.34-79]. Если в случае русских текстов разумно соотнесение с обсуждавшимся образом Владимира Мономаха – старца с его гаданием [Виноградова, 1995, Т.1, с.482-486] на древней Псалтири, то образ рассказа Ван Мэна [Торопцев, 2004, с.34-79] тем более как бы смотрится в глубины древней китайской мудрости. Как известно, одной из наиболее востребованных книг конфуцианской [Confucius, 1973, р. 124-125] и даже более ранней традиции в Китае была (и остаётся) древняя гадательная «Книга перемен» («Ицзин») VII века до н. э. [Китайская литература, 1984, с.96-147]. Известна также древнейшая китайская гадательная традиция, дошедшие до нас археологические артефакты гадательных костей [Брей, 1990, с.55] с надписями-иероглифами. «Археологический словарь» У.Брея и Д.Трампа поясняет в этой связи: «На кости вырезался желобок, после чего прикладывалось

горячее острие, по характеру получившихся трещин определяли ответ. Гадательные кости впервые появляются в луншаньской культуре, значительно шире они распространены во время династии Шан-Инь. Особенно важны образцы, на которых записывался вопрос (иногда также полученный ответ). Эти надписи являются памятниками наиболее древней китайской письменности. В ряде случаев, когда называются имена царей и предков, гадательные кости дают возможность установить историческую основу ранних легенд» [Брей, 1990, с.55]. Разумеется, эти древние китайские гадательные традиции не могли не отразиться во всём последующем пространстве китайской литературы и поэзии [Китайская литература, 1984, с.96-147].

Владимир Мономах в трудную минуту жизни прибегает к гаданию [Виноградова, 1995, Т.1, с.482-486] по старинной гадательной книге, Псалтири. Вообще такова и мировая традиция: в древние и старинные времена все народы и во всех странах прибегали к подобной гадательной практике. О. В. Белова и А. А. Турилов в своей статье «Гадательные книги» в первом томе энциклопедии «Славянские древности» пишут: «Гадательные книги, служащие для предсказания будущего, определения судьбы, – в основном переводные произведения, заимствованные православными славянами из Византии (и в меньшей степени с Востока), а славянами католиками – из Западной Евро-

пы. Генетическая связь славянских гадательных книг с древнееврейскими, арабскими, греческими предсказательными сочинениями – свидетельство их древности как книжного жанра» [Белова, 1995, Т.1, с.486-490]. Авторы называют, помимо Псалтири (или Евангелия) такие гадательные книги, как Громник [Перетц, 1899], Лунник, Трепетник, Рафли, Планетник, Зверинец, Молнияник [Белова, 1995, Т.1, с.486-490] и т. д.

Мономах-писатель рассказывает в своём «Поучении», в начале текста, о своём гадании на Псалтири, решая многие свои литературные задачи. Поскольку речь идёт о выписках автора по итогам гадания («...вземь Псалтырю, в печали разгнухъ я, и то ми ся выня... И потомъ собрахъ словца си любая, и складохъ по ряду, и написах. Аще вы последняя не любя, а передняя примайте» [Библиотека..., 1997, Т.1, с.456]), они формируют особый текст, как бы изначальный, базовый для всего «Поучения». Иными словами, Мономах говорит читателю: когда, как, при каких обстоятельствах и почему он начал работу над своим впоследствии большим текстом «Поучения». Действительно, с какой стати великому князю, великому полководцу, государственному деятелю заниматься делом, положенным монаху-книжнику. Поэтому Мономах и поясняет читателю, как бы разрешая некое недоумение, возможные вопросы.

С другой стороны, автор «Поучения», уже в начале текста заявляющий о своём более чем преклонном возрасте, как бы на пороге смерти, открывает контекст не только старой мудрости [Волкова, 2005, с.64-83], но и связанного с ней провиденья [Левкиевская, 2009, Т.4, с. 298-300], особого дара видеть будущее, провещать о своих или иных судьбах. Иными словами, прав был Д. С.Лихачёв, который углядел в выражении-метафоре «на далечи пути, да на санех седея» [Лихачёв, 1950, с.433] не просто особое, пусть и маркированное высказывание автора, но – литературный приём многоцелевого потенциального развёртывания. Такова функция любой литературной экспозиции: создать исходную, базовую платформу именно в начале авторского текста для его последующего широкого и многопланового решения. Такова вообще была специфика эпохи Мономаха – византийски-образованный христианин, автор в конце жизни, говоря ретроспективно о прожитом, о прошлом, не мог не активизировать ментальные механизмы древнего понятия Судьбы [Седакова, 2012, Т.5, с.203-208], характерные для ещё дохристианского мышления, представления мира. Мономах – не только писатель, автор «Поучения», но и со-редактор «Повести временных лет», заказчик и патрон второй редакции (по Шахматову) этого летописного эпоса. Собственно, «Повесть временных лет», в целом, по своей структуре также неоднозначна: материалы до

даты Крещения Руси включают многочисленные пересказы ещё языческих легенд, сказаний, преданий «старины глубокой».

Так и Мономах-христианин говорит о своём гадании [Виноградова, 1995, Т.1, с.482-486] (на Псалтири) – образце древнейшего поведения людей Древнего мира, начиная с истоков культуры человечества. Мономах-книжник-христианин сознательно демонстрирует читателю свою глубочайшую историко-культурную эрудицию, иными словами, формируя образ мудреца, носителя мировой старой мудрости, имеющего полное право на Урок, Поучение, наставление. Вообще «Поучение» – не просто Завет современникам и потомкам, но – Послание, беседа с читателем, кем бы он ни был. Мономах не только объясняет читателю правила христианской жизни, поведения, но он объясняется с ним. В тексте вступления автор прибегает к особым, необычным приёмам в целях литературной коммуникации, установления связи автора и читателя. Речь идёт об использовании приёма автоиронии. Мономах-автор как бы посмеивается над своей старостью, как бы шутит над собой, чтобы сделать некий жест в сторону читателя, как бы поднять, возвысить его в контексте автора: «Да дети мои, или инь кто, слышавъ сю грамотицю, не посмейтеса... Аще ли кому не люба грамотиця си, а не поохрихтаются, но тако се рекутъ: на далече пути, да на санех седа, безлепицю си молвилъ...» [Библиотека..., 1997, Т.1, с.456].

Заключение

В России традиции народных гаданий ярче всего запечатлелись в поэзии эпохи романтизма. И здесь, прежде всего, следует назвать знаменитую балладу В. А. Жуковского «Светлана» на мотив «Леноры» Бюргера («Раз в крещенский вечерок // Девушки гадали...») [Жуковский, 2013, с.125], и текст пятой главы «Евгения Онегина» А. С. Пушкина («Татьяна верила преданьям // Простонародной старины, // И снам, и карточным гаданьям, // И предсказаниям луны...») [Пушкин, 1936, с.132]. Эти великие произведения русских романтиков XIX века весьма ярко запечатлели образы гадания, предсказания, мудрого провиденья [Волкова, 2005, с.64-83; Левкиевская, Т.4, с.298-300], то есть те культурные традиции, которые в мировом масштабе восходят к истокам наследия Древности (древнекитайская гадательная «Книга перемен» – «Ицзин» [Китайская..., 1984, с.107], древневосточная книга поэтической мудрости и гаданий «Псалтырь»), Средневековья (древнерусские литературные тексты «Повести временных лет», «Поучения» Владимира Мономаха, «Слова о полку Игореве») [Библиотека..., Т.1, с.62-315; 456-475; Т.4, с.254-267].

Таким образом, образы мудрого провиденья [Левкиевская, 2009, Т.4, с.298-300; Волкова, 2005, с. 64-83], раскрытые и проанализированные в работе Е. М. Болдыревой [Болдырева, 2022, с.34-47] на материале произведений XX века Ван Мэна [Торопцев,

2004, с.34-79], Г. К. Паустовского и В. М. Шукшина, как удалось установить в настоящей статье, глубоко и ярко высвечены ещё в древнерусской традиции XI-XIII вв., в отмеченных выше и исследованных (с точки зрения образов провидческой [Левкиевская, 2009, Т.4, с. 298-300] мудрости, древних гадательных [Гадания, с.87-88; 406-408; Виноградова, с.482-486] традиций) выдающихся произведениях литературы Древней Руси – «Слове о полку Игореве», «Поучении» Владимира Мономаха и «Повести временных лет» [Библиотека..., Т.1, с.62-315; 456-475; Т.4, с.254-267].

Библиографический список

1. Аничков Е. В. Народная культура и древние верования славян // История русской литературы / Под ред. Е. В. Аничкова, А. К. Бороздина, Д. Н. Овсяннико-Куликовского. Москва : Изд-во «Мир» и И. Т. Сытина. 1908, Т.1, 60 с. (Погребение на саях. Миниатюра «Сказания о св. Борисе и Глебе». Сильвестровский сборник XIV в.).
2. Белова О. В. Гадательные книги // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / О. В. Белова, А. А. Турилов ; под ред. Н. И. Толстого. Москва : Международные отношения, 1995, Т.1. А-Г. С. 486-890.
3. Библиотека литературы Древней Руси. XI-XII вв. Т.1 / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. Санкт-Петербург : Наука, 1997, 543 с. (Тексты «Повести временных лет», «Поучения» Владимира Мономаха, «Слова о полку Игореве»).
4. Библиотека литературы Древней Руси. XI-XII вв. Т.4 / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. Санкт-Петербург : Наука, 1997, 687 с. (Тексты «Повести временных лет», «Поучения» Владимира Мономаха, «Слова о полку Игореве»).
5. Болдырева Е. М. Преодоление слепоты и музыка памяти: мотивные переключки рассказов Ван Мэна, В.Шукшина и К.Паустовского // Верхневолжский филологический вестник. 2022. №1. С. 34-47.
6. Брей У. Археологический словарь / У. Брей, Д. Трамп. Москва : Прогресс, 1990, 55 с.(Гадательные кости).
7. Виноградова Л. Н. Гадание // Славянские древности. Этнолингвистический словарь Т.1, А-Г / Под ред. Н. И. Толстого. Москва : Международные отношения, 1995. С.482-486.
8. Волкова Е. И. Образ мудреца в духовной и художественной традиции (старчество, юродство, Гомер, Софокл, Шекспир, Кольридж, Пушкин и др.) // Современная филология: итоги и перспективы. Москва : Гос. Институт русского языка им. А. С.Пушкина, 2005. С. 64-83.
9. Гадания Энциклопедия суеверий / Пер. с англ. (Е. & М. Е. Radford. Hampton-Court, Surrey, U.K., 1947), рус. ред. Е. В. Минёнок (ИМЛИ РАН). Москва : Локид-Миф, 2000. С.87-88, 406-408.
10. Гилберт К. История эстетики / К. Гилберт, Г. Кун. Москва : Изд-во иностранной литературы, 1960. С. 149-155.
11. Гура А. В. Сновидения, сон // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей редакцией Н. Толстого. Москва : Международные отношения, 2012, Т.5, С-Я, с.90-91.

12. Дмитриев Л. А. Боян // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т.1. / Ред.: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачёв, С. А. Семячко, О. В. Творогов. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1995. С.147-153.
13. Древняя Русь. Пересечение традиций : коллективная монография / Отв. ред. В. В. Мильков. Москва : Скрипторий, 1997, 458 с.
14. Жуковский В. А. Звезда любви. Москва : Комсомольская правда, 2013. 239 с.
15. Китайская литература // История всемирной литературы. Том 2 / Отв. ред. А. Д. Михайлов, Л. З. Эйдлин. Москва : Наука, 1984. С. 96-147.
16. Левкиевская Е. Е. Прорицание, пророчество (предсказание будущего, судьбы) // Славянские древности. Т.4, П-С. Этнолингвистический словарь / под общей редакцией Н. И. Толстого. Москва : Международные отношения, 2009. С. 298-300.
17. Лихачёв Д. С. Величие древней литературы // Библиотека литературы Древней Руси. Т.1, XI-XII вв. / Под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. Санкт-Петербург : Наука, 1997. С. 7-24.
18. Лихачёв Д. С. Комментарии // Повесть временных лет. Ч.II. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачёва / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Москва-Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950. С. 433-435.
19. Орлов А. С. Владимир Мономах. Москва-Ленинград : Изд-во АН СССР, 1946. 191 с.
20. Перетц В. Н. Материалы по истории апокрифа и легенды. I. К истории Громника (введение, славянские и еврейские тексты). Санкт-Петербург : Тип. Имп. АН, 1899. 121 с.
21. Пушкин А. С. Сочинения / под ред. Б. В. Томашевского. Ленинград : Художественная литература, 1936. 132 с.
22. Седакова И. А. Судьба // Славянские древности. Т.5. С-Я. Этнолингвистический словарь / под общей редакцией Н. И. Толстого. Москва : Международные отношения, 2012. С. 203-208.
23. Соколова Л. В. Сон Святослава // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» Т.5 / Ред.: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачёв, С. А. Семячко, О. В. Творогов. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1995. С. 30-39.
24. Торопцев С. А. Проза Ван Мэна в концептуальном континууме // Ван Мэн в контексте современной китайской литературы. Сб. статей. Москва : Изд-во Института Дальнего Востока РАН, 2004. С. 34-79.
25. Confucius (551-479 B.C.) // The reader`s companion to world literature. Ed. L. H. Hornstein. N.Y., A Mentor Book, 1973, p.124-125. (also about "The Book of Changes" – mystical system used for divination).
26. Homer // Dictionary of ancient Greek civilization. Lnd., Methuen & Co. Ltd., 1970, p.244-246.
27. Igor Tale // Harkins W. E. Dictionary of Russian Literature. N. Y., Philosophical Library, 1956, p.156-158, 211.
28. The Bible // The reader`s companion to world literature. Ed. L. H. Hornstein. N. Y., A Mentor Book, 1973. P.60-63.

Reference list

1. Anichkov E. V. Narodnaja kul'tura i drevnie verovanija slavjan // Istorija ruskoj literatury = Folk culture and Slavic ancient beliefs / Pod red. E. V. Anichkova,

- A. K. Borozdina, D. N.Ovsjaniko-Kulikovskogo. Moskva : Izd-vo «Mir» i I. T.Sytina. 1908, T.1, 60 s. (Pogrebenie na sanjah. Miniatjura «Skazanija o sv. Borise i Glebe». Sil'vestrovskij sbornik XIV v.).
2. Belova O. V. Gadatel'nye knigi = Fortune telling books // Slavjanskije drevnosti. Jetnolingvisti-cheskij slovar' / O. V. Belova, A. A. Turilov ; pod red. N. I. Tolstogo. Moskva : Mezhdunarodnye otnoshenija, 1995, T.1. A-G. S. 486-890.
3. Biblioteka literatury Drevnej Rusi. XI-XII vv. T.1 = Library of ancient Rus' literature. XI-XII centuries / pod red. D. S. Liha-chjova, L. A. Dmitrieva, A. A. Alekseeva, N. V. Ponyrko. Sankt-Peterburg : Nauka, 1997, 543 s. (Teksty «Povesti vremennyh let», «Pouchenija» Vladimira Monoma-ha, «Slova o polku Igoreve»).
4. Biblioteka literatury Drevnej Rusi. XI-XII vv. T.4 = Library of ancient Rus' literature. XI-XII centuries / pod red. D. S. Liha-chjova, L. A. Dmitrieva, A. A. Alekseeva, N. V. Ponyrko. Sankt-Peterburg : Nauka, 1997, 687 s. (Teksty «Povesti vremennyh let», «Pouchenija» Vladimira Monoma-ha, «Slova o polku Igoreve»).
5. Boldyreva E. M. Preodolenie slepoty i muzyka pamjati: motivnye pere-klichki rasskazov Van Mjena, V.Shukshina i K.Paustovskogo = Overcoming blindness and the music of memory: the shared motifs of Wang Meng, V. Shukshin, and K. Paustovsky's stories // Verhnevolszhskij filologicheskij vestnik. 2022. №1. S. 34-47.
6. Brey U. Arheologicheskij slovar' = The archeological dictionary / U. Brey, D. Tramp. Moskva : Progress, 1990, 55 s.(Gadatel'nye kosti).
7. Vinogradova L. N. Gadanie = Fortune telling // Slavjanskije drevnosti. Jetnolingvisticheskij slovar' T.1, A-G / Pod red. N. I. Tolstogo. Moskva : Mezhdunarodnye otnoshenija, 1995. S.482-486.
8. Volkova E. I. Obraz mudreca v duhovnoj i hudozhestvennoj tradicii (starchestvo, jurodstvo, Gomer, Sofokl, Shekspir, Kol'ridzh, Pushkin i dr.) = The image of the wise man in spiritual and artistic tradition (elders, foolishness for Christ, Homer, Sophocles, Shakespeare, Coleridge, Pushkin, etc.) // Sovremennaja filologija: itogi i perspektivy. Moskva : Gos. Institut ruskogo jazyka im. A. S.Pushkina, 2005. S. 64-83.
9. Gadanija= Fortune telling // Jenciklopedija sueverij / Per. s angl. (E. & M. E. Radford. Hampton-Court, Surrey, U.K., 1947), rus. red. E. V.Minjonok (IMLI RAN). Moskva : Lokid-Mif, 2000, s.87-88, 406-408.
10. Gilbert K. Istorija jestetiki = History of esthetics / K. Gilbert, G. Kun. Moskva : Izd-vo ino-stranoj literatury, 1960. s.149-155.
11. Gura A. V. Snovidenija, son = Dreams, sleep // Slavjanskije drevnosti. Jetnolingvisticheski slovar' pod obshej redakciej N. Tolstogo. Moskva : Mezhdunarodnye otnoshenija, 2012, T.5, S-Ja, s.90-91.
12. Dmitriev L. A. Bojan = Boyan // Jenciklopedija «Slova o polku Igoreve». T.1. / Red.: L. A. Dmitriev, D. S. Lihachjov, S. A. Semjachko, O. V. Tvorogov. Sankt-Peterburg : Dmitrij Bulanin, 1995. S.147-153.
13. Drevnjaja Rus'. Peresechenie tradicij = Ancient Russia. Intersection of traditions : kolektivnaja monografija / Otv. red. V. V.Mil'kov. Moskva : Skriptorij, 1997, 458 s.
14. Zhukovskij V. A. Zvezda ljubvi = The star of love. Moskva : Komsomol'skaja pravda, 2013. 239 s.
15. Kitajskaja literatura = Chinese literature // Istorija vseмирnoj literatury. Tom 2 / Otv. red. A. D. Mihajlov, L. Z. Jejdlin. Moskva : Nauka, 1984. S. 96-147.

16. Levkievskaja E. E. Proricanie, prorochestvo (predskazanie budushhego, sud'by) = Prediction, prophecy (forecasting the future, destiny) // Slavjanskije drevnosti. T.4, P-S. *Jetnolingvisticheski slovar' / pod obshej redakciej N. I. Tolstogo*. Moskva : Mezhdunarodnye otnoshenija, 2009. S. 298-300.
17. Lihachjov D. S. Velichie drevnej literatury = Magnificent ancient literature // Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T.1, XI-XII vv. / Pod red. D. S. Lihachjova, L. A. Dmitrieva, A. A. Alekseeva, N. V. Ponyrko. Sankt-Peterburg : Nauka, 1997. S. 7-24.
18. Lihachjov D. S. Kommentarii = Commentary // Povest' vremennyh let. Ch.II. Prilozhenija. Stat'i i kommentarii D. S.Lihachjova / pod red. V. P. Adrianovoj-Peretc. Moskva-Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1950. S. 433-435.
19. Orlov A. S. Vladimir Monomah = Vladimir Monomakh. Moskva-Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1946. 191 s.
20. Peretc V. N. Materialy po istorii apokrifa i legendy. I. K istorii Gromnika (vvedenie, slavjanskije i evrejskie teksty) = Materials on the history of apocrypha and legend. I. To the history of Gromnik (introduction, Slavonic and Hebrew texts). Sankt-Peterburg : Tip. Imp. AN, 1899. 121 s.
21. Pushkin A. S. Sochinenija = Works / pod red. B. V. Tomashevskogo. Leningrad : Hu-dozhestvennaja literatura, 1936. 132 s.
22. Sedakova I. A. Sud'ba = The destiny // Slavjanskije drevnosti. T.5. S-Ja. *Jetnolingvisti-cheski slovar' / pod obshej redakciej N. I. Tolstogo*. Moskva : Mezhdunarodnye otnoshenija, 2012. S. 203-208.
23. Sokolova L. V. Son Svjatoslava = Svyatoslav's dream // Jenciklopedija «Slova o polku Igore-ve» T.5 / Red.: L. A.Dmitriev, D. S.Lihachjov, S. A.Semjachko, O. V.Tvorogov. Sankt-Peterburg : Dmitrij Bulanin, 1995. S. 30-39.
24. Toropcev S. A. Proza Van Mjena v konceptual'nom kontinuuime = Wang Meng's prose in conceptual continuum // Van Mjen v kontekste sovremennoj kitajskoj literatury. Sb. statej. Moskva : Izd-vo In-stituta Dal'nego Vostoka RAN, 2004. S. 34-79.
25. Confucius (551-479 B.C.) // The reader`s companion to world literature. Ed. L. H. Hornstein. N.Y., A Mentor Book, 1973, p.124-125. (also about “The Book of Changes” – mystical system used for divination).
26. Homer // Dictionary of ancient Greek civilization. Lnd., Methuen & Co. Ltd., 1970, p.244-246.
27. Igor Tale // Harkins W. E. Dictionary of Russian Literature. N. Y., Philosophical Library, 1956, p.156-158, 211.
28. The Bible // The reader`s companion to world literature. Ed. L. H. Hornstein. N. Y., A Mentor Book, 1973. P.60-63.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022; одобрена после рецензирования 26.10.2022; принята к публикации 28.11.2022.
The article was submitted on 01.10.2022; approved after reviewing 26.10.2022; accepted for publication on 28.11.2022